

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Каратабан И.А.

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Майкоп, Республика Адыгея,
Российская Федерация

Системный кризис глобализации, сопровождается новой волной вызовов и для образовательной сферы. В условиях неоднозначности настоящего и непредсказуемости будущего современное поколение обучающихся и работающих не всегда проявляют инициативу, способность к риску и ответственность за свои действия. Правовое сопровождение реформы в образовании отстает от экзистенциального опыта учащихся, студентов, родителей, преподавателей образовательных учреждений. Осуществлен экспресс-анализ институциональных решений по высшему образованию.

Ключевые слова: *высшее образование; образование и экономика; образование и «цифровизация»; институциональные решения*

SOCIAL PROBLEMS OF MODERN EDUCATION IN RUSSIA

Karataban I.A.

Maykop State Technological University,
Maikop, Republic of Adygea, Russian Federation

The systemic crisis of globalization is accompanied by a new wave of challenges for the educational sector. Given the ambiguity of the present and the unpredictability of the future, the modern generation of students and workers do not always show initiative, the ability to take risks and responsibility for their actions. Legal support for educational reform lags behind the existential experience of students, students, parents, and

teachers of educational institutions. An express analysis of institutional decisions on higher education was carried out.

Keywords: *higher education; education and economics; education and “digitalization”; institutional solutions*

В постсоветский период принципиально изменилась роль образовательного пространства в жизни общества. Многие социальные проблемы современного общества фокусируются в образовательном пространстве. На рубеже XX-XXI вв. глобализация, вторгшись внезапно в привычный уклад людей, обернулась головоломкой, ловушкой, энигмой – симбиозом *шансов*, вызовов (нестандартные задачи без апробированных решений) и *угроз* (от быстрых перемен). В этой триаде самое сложное – это вызовы своей непредсказуемостью и вариативностью от провала и до успеха плюс гибридные ситуации. Образовательное сообщество Европы ответило на вызовы высшему образованию Болонской хартией (1999 г.), декларацией о много векторном сотрудничестве с амбициозными целями. За истекшие два десятилетия запросы инициаторов упростились, гармонизация деятельности вузов подобна удаляющемуся горизонту по мере движения, а реформирование обрастает нескончаемыми дискуссиями и идет в каждой стране по замысловатой кривой, то есть мучительно и с акциями протеста (например, лицеистов во Франции) [2, с. 4].

Однако удалось выявить ведущие и наблюдаемые измеряемые маршруты реформирования образования. С ними согласна и Россия. Во-первых, поиски оптимального соотношения между образованием как *ценностью* и образованием как *компетенцией*. Консенсус затруднен из-за несовпадающей, а то и полярной интерпретации роли и места каждого члена дуумвирата. Во-вторых, непрерывность образования, от детского сада до университета и далее на протяжении всей трудовой жизни. Камни преткновения – инфраструктура, сеть и финансы учреждений дополнительного образования с учетом вариативных запросов на образовательные услуги. В-третьих, востребованность выпускников школ, училищ, вузов и других образовательных учреждений в масштабе страны и

за ее пределами. На пути трудовой карьеры и социального «лифта» встают жесткие фильтры: знание иностранных языков, «цифровая» профессиональная грамотность, способность к общению в «чужой» среде и работать в команде. К этому добавим и специфику (порою и уникальность) зарубежных вузов. Особенное и уникальное присутствует в ведущих вузах России.

Новые вызовы в образовании. Новая волна вызовов для миропорядка вообще и образовательной сферы, в частности, вызвана системным кризисом глобализации, задевшим и Россию (кризис 2014-2016 гг.). Отсюда и новая веха в трансформационной истории постсоветской России, обозначенная в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г., с выделением образования как одного из национальных проектов [2, с.63]. Эта веха означает структурно-институциональную трансформацию на период до 2024 г. Трансформация (пусть и «тихая революция») предполагает реформы, включая и непопулярные. Ожидаемые в высшем образовании, так назовем новые ведущие в российском обществе.

Неоднозначность настоящего и непредсказуемость будущего. Факторов негативизма немало. Вялые темпы экономического роста и личных располагаемых (реальных, с учетом инфляции) доходов населения. Россия, по образному выражению социологов, надела «черные очки». Поколение обучающихся и работающих не всегда проявляет инициативу, способность к риску и ответственность за свои действия [5, с. 159].

Конфронтация мировых лидеров, политических систем и моделей, цивилизаций. В российской науке не изжиты рецидивы смуты в умах и действиях.

Цифровизация общества (спутник IV промышленной революции) двойственна по своей природе и противоречива в последствиях. «Цифра» обогащает информацию учащихся и студентов, но она носит в себе и потенциал *самообразования* в противовес установкам государственной (общенациональной) системы образования.

Правовое сопровождение реформы в образовании отстает от экзистенциального опыта учащихся, студентов, родителей, преподавателей образовательных учреждений.

Наиболее значимые достижения IV промышленной революции, на наш взгляд, олицетворяются:

а) *сложными* товарами, с высокой степенью обработки и добавленной стоимостью [6, 70] и б) «цифровизацией». Эти достижения опираются на тесную интеграцию образования, науки и экономики, что породило и укрепило запрос на модель университетов 3.0. Эта растущая тенденция общемирового статуса поддерживается в России ведущими вузами, в первую очередь, претендентами на топ 5/100 (21), организацией научно-исследовательских университетов (далее НИУ). Становление НИУ – важный, но не единственный шаг в «дорожной карте» реформирования образования. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 нацеливает на достижение нижеследующих рубежей к 2024 г.:

- вхождение российских вузов в десятку лидеров по качеству образования;
- воспитание гармонически развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей России, исторических и национально-культурных традиций [4, с. 9].

В национальный проект «Образование» инкорпорирован и новаторский институт «Научно-образовательный центр» [5, с. 159], с размещением по макрорегионам, совмещающий науку и просвещение для всех граждан независимо от возраста.

Системный кризис глобализации сопровождается вторжением неопределенности в экономику и властные отношения, образование и науку. Что делать? Ориентироваться на стратегию *гипотез* и *сценариев*; избегать количественных индикаторов; организовать перераспределение ресурсов; диверсифицировать экономику; искать прогрессивные технологии. В настоящее время власти обязаны успокаивать бизнес и население: «катастрофы не будет; принимаются текущие, среднесрочные и долгосрочные меры» [2, 63]. Самоинициатива студентов – важная гарантия профессиональной подготовки студентов к будущим решениям проблем и повышенным рискам. Неопределенность означает также отказ от стереотипов о вечности профессии и направлений обучения [5, с. 160]. Высшая школа в эпоху больших вызовов, отмечалось на XI съезде

Российского союза ректоров вузов, призвана быть центрами развития технологий и кадров, настоящими локомотивами для отраслей и регионов, способствовать становлению интеллектуальной среды, устойчивой к кризисным тенденциям в глобальном мире.

Современный университет в идеале предполагает органическое единство:

а) обучения профессии по типовой и/или авторской спецификации направлений и профилей; б) совместные преподавателей и студентов научные исследования и разработки (далее НИР); в) внедрение НИР по заказам государства и заявкам клиентов.

Доступна ли модель 3.0 каждому вузу? Негативный ответ очевиден, но шансы имеются. Финансовые заботы университетов понятны всем и каждому. Правоведы и администраторы настаивают на самоидентификации со статусом вуза: бизнес-организация; бюджетное учреждение; артефакт гибридного типа.

Различия между ними существенные. Бизнес-организация (ВУЗ) частично реализуема и инициативна в продвижении своих образовательных услуг и НИР, поддерживает и укрепляет свою конкурентоспособность. Лидеры и аутсайдеры, сосуществуют в вузовском пространстве России. Отсюда и неизбежная по объективным причинам и субъективным обстоятельствам дифференциация вузов по старым и новым критериям эффективности [6, с. 170].

Институциональные решения и вызовы в образовании наслаиваются один на другой. Полагаем, что достигнута *критическая масса* нерешенных задач, которая подталкивает федеральные власти к запуску очередного этапа реформирования образования и науки. Этап, может быть, самый сложный и ответственный, но без раздражающих оппозиционные партии и общественные мнения нововведений (ЕГЭ, бакалавриат и магистратура, федеральные стандарты и др.). Иными словами, «тихая революция», частично невидимая, с реальной, а не показной эффективностью. Попытаемся очертить контуры явных и скрытых преобразований.

Высшие образовательные государственные учреждения, по концепции Указа от 7 мая 2018 г., обязаны быть: а) носителями инвестиций в *человеческий капитал* через высокие образовательные тех-

нологии (наращивание профессиональных и иных компетенций; накопление кадрового потенциала; выпуск специалистов с навыками решения задач при любом сценарии развития событий); б) приоритетным источником НИР с полным циклом (от научной идеи до коммерческого продукта) для обеспечения устойчивого *экономического роста*. Федеральные власти фактически отказалась от остаточного принципа финансирования образования и науки. В настоящее время утверждены контрольные цифры финансирования национальных проектов. Проект «образования» может рассчитывать на 785 млрд руб., а «наука» – 636 млрд руб. К финансированию инвестиций могут быть привлечены, помимо федерального бюджета, бюджеты субъектов РФ и внебюджетные инвестиции [1, 5]. Раздельное финансирование - шаг кардинальный и давно ожидаемый (в ЕС такое разграничение бюджетов практикуется с 50-х годов XX в.). Впереди конфликтно компромиссная стадия финансирования – расшифровка инвестиций и ассигнований по вузам, НИИ, субъектам федерации, бюджетополучателям. Многое зависит от позиции бизнеса и состояния государственно-частного партнерства.

В социальном пространстве Россия открывает перспективы для многовекторной (дифференцированной) *кластеризации* вузов. Поиски внебюджетных источников финансирования подвигнут вузы на взаимодействие по а) направлениям и профилям; б) макрорегиональному; в) сотрудничеству с зарубежными вузами; г) контрактам и контактам с хозяйствующими субъектами (бизнесом) региона. Иными словами, возможна горизонтальная интеграция по модели 3.0 в дополнение к привычной вертикали министерство – вуз. Науку и образование как наиболее чувствительные сферы, полагаем, ждут жаркие дискуссии, профессиональные и политизированные.

Вызовы глобализации ускорили *дифференциацию* вузов по критериям конкурентоспособности (производный и персонифицированный признак конкуренции). Доминирует дифференциация и по имиджу: престижные и провинциальные, государственные и частные, самокупаемые и дотационные. В России, стала значимой и новая разделительная линия: вузы-инкубаторы креатосферы и массово-доступные вузы для прекариата, то есть к неравенству по до-

ходам добавится и неравенство по образованию. А самое главное в реформе образования – содержания образования с федеральными стандартами вузов по сопряженным и расходящимся критериям. Обустройство пространства России осуществляется через национальные проекты, которое может повлечет за собой кластеризацию вузов по сопряженным и расходящимся критериям.

Список литературы

1. Караваева, Е.В. Квалификации высшего образования и профессиональные квалификации: «сопряжение с напряжением» [Текст] / Е.В. Караваева // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 5-12.
2. Лапшин, А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях [Текст] / А.О. Лапшин // Власть. 2019. № 1. С. 67, 63-68.
3. Пивоварова, М.Б. Государственное регулирование науки в высших учебных заведениях [Текст] / М. Б. Пивоварова // Власть. 2019. № 1. С. 176-179.
4. Попова, Е.П., Климова, А.В. (НИУ ВШЭ). Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития [Текст] / Е.П. Попова, А.В. Климова // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 63-72.
5. Сивински Вальдемар (Польша). Академические рейтинги и перспективы их развития [Текст] / В. Сивински // Высшее образование в России. 2017. № 1. С. 158-166.
6. Яницкий, О.Н. Переход на цифру: задачи науки и образования [Текст] / О.Н. Яницкий // Власть. 2019. № 1. С. 72, 69-74.

References

1. Karavaeva, E.V. Kvalifikatsii vysshego obrazovaniya i professional'nye kvalifikatsii: «sopryazhenie s napryazheniem» [Tekst] / E.V. Karavaeva // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2017. № 12. S. 5-12.
2. Lapshin, A.O. Globalizatsiya i tsifrovое obshchestvo: zametki na polyakh [Tekst] / A.O. Lapshin // Vlast'. 2019. № 1. S. 67, 63-68.
3. Pivovarova, M.B. Gosudarstvennoe regulirovanie nauki v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Tekst] / M.B. Pivovarova // Vlast'. 2019. № 1. S. 176-179.

4. Popova, E.P., Klimova, A. V. (NIU VShE). Rossiyskie vuzy: organizatsionnaya spetsifika i vybor orientirov razvitiya [Tekst] / E.P. Popova, A. V. Klimova // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 12. С. 63-72.
5. Sivinski Val'demar (Pol'sha). Akademicheskie reytingi i perspektivy ikh razvitiya [Tekst] / V. Sivinski // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2017. № 1. С. 158-166.
6. Yanitskiy, O.N. Perekhod na tsifru: zadachi nauki i obrazovaniya [Tekst] / O.N. Yanitskiy // Vlast'. 2019. № 1. С. 72, 69-74.